

Лю Синь смотрел в эти прекрасные глаза, где, несмотря на искры вражды, так и не вспыхнуло настоящего пламени.

— В таком случае я буду ждать ваших наставлений, — Лю Синь поджал губы и, развернувшись, вышел из комнаты.

На лице Дун Сяня отразилось легкое любопытство. Похоже, подумал он, с этим поручением будет не так-то просто справиться.

Днем Чжи Вэй поспешила во Дворец Юйян. Расторопно распределяя комнаты и вещи, она мельком увидела Дун Сяня, прогуливающегося по крытой галерее, и ее щеки мгновенно вспыхнули. Девушка поспешила в покои Лю Синя. Застав его за изучением свитков, она громко спросила:

— Ваше Высочество, неужели господин Дун тоже будет жить во Дворце Юйян?

Лю Синь даже не поднял головы, лишь коротко отозвался.

Чжи Вэй не смогла скрыть радости и продолжила расспросы:

— Почему Император решил поселить его здесь?

Лю Синь отложил книгу, и его взгляд стал глубоким и холодным:

— Должно быть, кто-то попался в хитро расставленные сети. Человеческие сердца непредсказуемы, тебе лучше держаться от него подальше.

Хотя Чжи Вэй понимала, что он имел в виду Ван Мана, а не самого Дун Сяня, ей все равно стало обидно. Надув губы, она возразила:

— Это слишком поспешное суждение. Если вы даже не общались, как можете знать, хороший человек или плохой?

Амурные чувства уже сплели свою сеть вокруг её сердца — разве могла она теперь внимать словам, порочащим Дун Сяня?

Сказав это, Чжи Вэй быстро выбежала вон. Лю Синь лишь покачал головой. Как женщинам понять всю сложность и запутанность этого мира? Но он был другим: хотя всей душой стремился к покою, будучи членом императорского рода, разве мог он распоряжаться своей судьбой? В конце концов его охватила невольная тоска.

Дун Сянь неспешно прогуливался по саду. Он выбрал себе уединенную комнату в стороне от главных строений — немного обветшалую, в которой, должно быть, никто не захотел бы селиться. Он всегда любил тишину и радовался, что нашел место, где его не потревожат.

Слуги были заняты переноской вещей, поэтому Дун Сянь, стараясь не попадаться им на глаза, свободно обходил Дворец Юйян. Когда голоса остались далеко позади, он присел в беседке. Вид был приятным, на ветвях весело распевали иволги, и никто из них не заметил, как по стволу дерева к ним медленно подползала ядовитая змея.

Змея шипела, высовывая раздвоенный язык. Видя, что жертва близка, она резко выпрямилась и бросилась вперед! Хлесткий звук! В самый последний момент, словно порыв ветра, взвился мягкий хлыст, и ветка была перерублена в одно мгновение. Иволга испуганно вспорхнула и улетела. Хлыст дважды обвил змеиное тело и с силой ударил о землю. В мгновение ока змея превратилась в ошметки, упала на траву, еще пару раз судорожно дернулась и затихла. Гибкое оружие тут же исчезло в белых, тонких пальцах. Дун Сянь настороженно огляделся, убедился, что вокруг никого нет, и поспешно спрятал хлыст за пояс. Он приподнял рукав на правом запястье, где четко проступал страшный шрам от меча.

Тот удар Ван Мана был точным и беспощадным — прямо в жизненно важную точку.

К счастью, небо смиростивилось: эта жила у него была глубже, чем у обычных людей, и меч не нанес смертельного урона. Это был подарок судьбы. Дун Сянь дал себе слово: ни при каких обстоятельствах он не покажет свое мастерство.

Случившееся напомнило ему, как когда-то его спасла невестка, и он не сдержался. Все считали, что Дун Сянь утратил свои навыки культивации, и пусть это остается правдой.

Просидев в беседке до полудня, он так и не дождался, пока Лю Синь пришлет за ним. Дун Сянь наслаждался покоем. Вспомнив подозрительный взгляд Лю Синя, он не удержался от усмешки:

— Острый ум, но рожден не в то время. Ему суждено стать пешкой в этой игре. Если только он не решит низвергнуть Ван Мана и занять его место.

К вечеру небо потемнело, и Дун Сянь вернулся в свою комнату. Там по-прежнему царил беспорядок — вероятно, слуги были заняты лишь главными покоями, забыв об этой каморке. Его это не заботило. Немного прибравшись, он зажег свечу и взял в руки книгу стихов, лежавшую на столе.

Пламя свечи дрожало, растягивая и сжимая изящную тень Дун Сяня. За чтением он забыл о времени, и даже когда наступили сумерки, никто не позвал его к ужину. Не чувствуя сильного голода, он присел на край кровати. Доски жалобно скрипнули, даже одеяла не нашлось. Дун Сянь не стал никого звать, лишь, не раздеваясь, прилег отдохнуть, прислонившись к спинке. В полудреме его начало знобить от подступающего холода. Он плотнее запахнул воротник, но ледяной ветер пробирался повсюду, заставляя его невольно съежиться.

Дверь со скрипом отворилась. Дун Сянь поднял голову и увидел девушку с корзиной в руках.

Чжи Вэй весь день была занята уборкой, наскоро перекусила, и только вечером спохватилась, что давно не видела Дун Сяня. Прихватив еды, она обошла весь дворец и наконец нашла его в этой хижине.

— Господин Дун, почему вы живете здесь? Я ведь подготовила для вас комнату.

Дун Сянь приподнялся и сказал:

— Благодарю за заботу, девушка. Я весь день ничего не ел, так что проголодался.

Чжи Вэй поспешила выставить еду на стол, а увидев, что на кровати нет одеяла, беспокоилась и собралась идти за ним.

Дун Сянь удержал ее:

— Сначала присядьте. Тут столько еды, мне одному не осилить. Может, составите мне компанию?

Чжи Вэй робко кивнула:

— Меня зовут Чжи Вэй. Впредь можете звать меня просто по имени.

— Значит, вы и есть Чжи Вэй. Ван Ман упоминал о вас — личная служанка принца Синя.

Дун Сянь сел к столу и протянул ей палочки, приглашая присоединиться. Его голос был таким мягким и дружелюбным, что Чжи Вэй постепенно отбросила смущение и села напротив. Видя, что она не притрагивается к еде, Дун Сянь положил ей немного овощей в чашку и спросил:

— Вы давно служите принцу Синю, не знаете ли, какие книги он любит читать?

Вопрос застал Чжи Вэй врасплох, она польщенно ответила:

— Принц читает много, я точно и не скажу, но часто вижу, как он листает Исторические записки.

— Исторические записки? — Дун Сянь приподнял брови. — И что же ему больше по душе: жизнеописания императоров или летописи различных государств?

Чжи Вэй повела глазами и ответила:

— Кажется, больше всего он любит Жизнеописание Сян Юя.

— Значит, он симпатизирует Сян Юю, — пробормотал Дун Сянь.

Они проговорили долго. Чжи Вэй было жаль, что он живет в такой разрухе, она несколько раз уговаривала его переехать, но Дун Сянь мягко отказывался. Здесь было тихо, никто не беспокоил его, и это ему нравилось. Однако Чжи Вэй не успокоилась — она принесла одеяло и жаровню, и только когда обустроила комнату, осталась довольна.

— Благодарю вас, Чжи Вэй. Поздно уже, не стоит мне вас задерживать. Если вам понадобится помощь, обращайтесь.

Услышав слова благодарности, Чжи Вэй от радости выпалила:

— А вы не могли бы нарисовать для меня картину? — Стоило словам слететь с губ, как она пожалела о своей дерзости. Где это видано, чтобы девушка просила мужчину о портрете? Она так смутилась, что не могла вымолвить ни слова. Но при свете свечи Дун Сянь выглядел столь прекрасно, что ей хватило бы и простого рисунка на память.

Дун Сянь понял, что она хочет его портрет, и слегка улыбнулся:

— Хотите, чтобы я вас нарисовал? Хорошо, садитесь, я сейчас.

Чжи Вэй растерялась, не зная, как объяснить свою просьбу, и пробормотала:

— Нет, я... я хотела попросить господина нарисовать пейзаж.

— Пейзаж? — Дун Сянь развернул свиток, взял кисть и спросил: — Какие цветы или растения вы предпочитаете?

Чжи Вэй придумала это на ходу и растерялась. Глядя на Дун Сяня, чья утонченная внешность казалась почти неземной, она наугад ответила:

— Нарисуйте, пожалуйста, бамбук.

— Бамбук? Редкий выбор для девушки.

Он искусно повел кончиком кисти; казалось, всё его существо окутано дыханием бессмертных. Тонкие брови, ясный взгляд, стройная фигура — эта несравненная элегантность напоминала бамбук, укрывшийся в обители небожителей.

— Рисунок на скорую руку, в знак благодарности за ваш ужин. Позже я отблагодарю вас как следует.

Через мгновение картина была готова. Дун Сянь передал ее Чжи Вэй и спросил:

— В какое время прежние учителя обычно проводили занятия у принца Синя?

— Принц очень прилежен, каждый день сам просит учителя прийти, — ответила Чжи Вэй, пряча рисунок. Поняв, что уже глубокая ночь, она попрощалась.

Проводив ее, Дун Сянь вернулся к столу и по памяти записал несколько глав Жизнеописания Сян Юя. На его лице промелькнуло разочарование:

— Герой Западного Чу, человек решительный и отважный, но самонадеянный и упрямый. Лю Синь, хоть и потомок правителей Пэй, не боится табу и считает его примером. Это... весьма необычно.

В глубине души проснулся живой интерес. Дун Сянь улыбнулся про себя — возможно, ему просто показалось.

Переезд во Дворец Юйян не принес Лю Синю радости. За два дня его посетили все кузены, с которыми он обычно не поддерживал отношений. Те, кто был вежлив, лишь льстили, а завистники отпускали колкости. Кухня дворца славилась яствами, но Лю Синь потерял аппетит. Чжи Вэй стояла рядом, долго молча, пока Лю Синь наконец не спросил, повернув голову:

— О чем задумалась? Почему молчишь?

Очнувшись, Чжи Вэй ответила:

— Прошло уже два дня, разве вы не пригласите господина Дуна на занятия? Раньше вы каждый день занимались.

Лю Синь отложил палочки, ничего не ответив. Он продолжал заниматься, но учителей не звал. К Дун Сяню он питал предубеждение — не только потому, что тот был человеком Ван Мана, но

и из-за его высокомерного спокойствия. Перед глазами стояло его красивое лицо. Он — сообщник Ван Мана, ядовитая змея, так почему же он наделен внешностью, превосходящей красотой небожителей?

Не успел он разобраться в себе, как Чжи Вэй снова спросила:

— Может, позовете господина Дуна вместе поужинать?

— Нет нужды. Захочет есть — сам поест.

Лю Синь сказал это, не имея под собой никаких оснований, и Чжи Вэй разозлилась. За два дня никто не спросил, как питается Дун Сянь. Он не соблюдал распорядок, и если бы она не носила ему еду, он бы наверняка голодал. Чжи Вэй схватила корзину и, не обращая внимания на то, что Лю Синь не доел, набрала в нее блюд и выбежала прочь.

Лю Синь, выросший вместе с ней и привыкший ей уступать, остался сидеть в одиночестве, не зная, что и думать. К счастью, вскоре она вернулась. Увидев, что она ставит нетронутую еду обратно на стол, Лю Синь усмехнулся:

— Отказался? Какой привередливый.

— Господин Дун сказал, что в последнее время чувствует жар, пьет только холодный чай да пустую кашу, тяжелая пища ему вредна.

Лю Синь не питал к Дун Сяню симпатии, и слова Чжи Вэй лишь убедили его, что тот просто ломает комедию. Он рассердился. В памяти всплыли насмешливые глаза.

— Сходи и скажи Дун Сяню, пусть идет в кабинет. Я хочу начать занятия.

Тонкие пальцы пробежались по бамбуковым свиткам, Дун Сянь взял один и принялся рассматривать. Поверхность была затерта, шнуры на сгибах ослабли — сразу видно, что их часто читали. Только он собрался вникнуть в содержание, как мир перед глазами качнулся. Дун Сянь глубоко вдохнул, с трудом сохраняя равновесие. Изнурительные переезды последних дней оставили след — время от времени на него накатывали приступы головокружения.

Он не ожидал, что этот маленький леопард так быстро позовет его — на третий день он уже стоял перед дверью кабинета Лю Синя. Дверь открылась, Дун Сянь повернулся и увидел принца. Лю Синь окинул его оценивающим взглядом, еще не произнеся ни слова, но уже выказывая крайнюю осторожность. Дун Сянь спокойно стоял, позволяя себя рассматривать.

Заметив, что взгляд Лю Синя стал мягче, он поддел:

— Я пришел один, без помощников. Ваше Высочество не желает меня обыскать?

Лю Синь подошел ближе и вместо ответа спросил:

— Ты не притронулся к еде, которую я прислал. Нет аппетита? Но я вижу, как ты бродишь по дворцу, не похоже, что ты болен.

Дун Сянь притворно удивился:

— Оказывается, Ваше Высочество наблюдает за мной. Похоже, Дворец Юйян не так уж велик.

Тяжелое давление повисло между ними. Лю Синь, хоть и молод, обладал суровым взглядом, но всё его давление разбивалось о невидимую преграду вокруг Дун Сяня, словно яркий свет, падающий в воду — искрится, но не порождает ни крупцы ряби.

Лю Синь отвел взгляд, сел за стол и сказал:

— Мы можем начать занятия. Ты приготовил тему?

Соперник первым отступил. В этой партии Дун Сянь определенно поставил Лю Синю шах. Видя холодный тон принца, Дун Сянь тоже убрал улыбку и серьезно сказал:

— Во время занятий я — ваш учитель. Пожалуйста, впредь называйте меня так.

Лю Синь вздрогнул, его взгляд стал еще острее. Он не был лишен уважения к старшим, но это условие, прозвучавшее из уст Дун Сяня, казалось чем-то иным.

Лю Синь долго сверлил его взглядом, затем, скосив глаза, нехотя процедил:

— Учитель.

Мирная улыбка вновь вернулась на лицо Дун Сяня. Он не готовил конспектов, а просто встал перед столом Лю Синя и спросил:

— Слышал, Ваше Высочество любит Исторические записки. Знаете ли вы, что этот труд едва не был сожжен и мог вовсе не дойти до потомков?

— Покойный Император У-ди совершил великие деяния, но, достигнув многого, в старости стал высокомерным, суеверным и подозрительным. — Лю Синь понял, что вопрос был задан, чтобы вскрыть старую рану династии Хань. Он не стал ходить вокруг да около, а прямо высказал свое мнение.

— В деяниях У-ди можно найти семь частей хорошего и три — плохого, но по вашему тону кажется, что вы судите предвзято, — не спеша продолжал Дун Сянь. — Во время написания Исторических записок в стране происходило множество перемен, а когда Ли Лин сдался хуннам и Сыма Цянь вступился за него, гнев Императора был вполне понятен.

Чтобы удержаться при дворе, нужно пройти через трансформацию. Есть вещи, которые нельзя произносить вслух, даже если это истина. Лицемерная лесть всегда звучит приятнее, чем искренние слова.

В глазах Лю Синя вспыхнул гнев:

— Ли Лин сдался хуннам лишь потому, что Император доверился клеветникам и отнесся к нему с пренебрежением. История Сыма Цяня стоила двух поколений страданий, и то, что вы... что учитель говорит так, вызывает лишь разочарование.

Наивность и пылкость принца заставили Дун Сяня внутренне усмехнуться, хотя внешне он оставался строг:

— Вы хотите сказать, что предательство — это естественно? Разве вы не слышали слов: Пока хунны не повержены, не стоит думать о доме?

Почувствовав, что его слова передернули, Лю Синь не стал спорить и перевел тему:

— Может, перейдем к делу?

Получив преимущество, Дун Сянь не спешил заканчивать:

— В Жизнеописаниях описаны двенадцать правителей. Ваш любимый Сян Юй, строго говоря, не может считаться императором, объединившим Поднебесную...

Разговор явно не клеился. Лю Синь фыркнул, не желая больше учиться, и махнул рукой:

— Господин Дун, на сегодня хватит. Я устал.

Стоило занятиям закончиться, как Лю Синь поспешил сменить тон. Быть его учителем? Дун Сянь этого не достоин, он — лишь доносчик, присланный Ван Маном.

Дун Сянь был к этому готов. Он поджал губы, полуулыбаясь:

— Хорошо, на сегодня достаточно. — Увидев, что Лю Синь собрался уходить, он добавил: — Не торопитесь, я еще не дал вам задание.

Лю Синь застыл и обернулся:

— Что нужно сделать?

— Для вас это просто. Нужно заучить Жизнеописания наизусть, — Дун Сянь прикинул в уме: — Обычному человеку на это нужно не меньше полумесяца. Но раз вы хорошо знакомы с книгой, трех дней должно хватить.

Такой острый характер вряд ли приведет к великим свершениям — многие правители в истории пали из-за этого. Задание Дун Сяня было многозначительным, а трехдневный срок — лишь небольшим наказанием.

Однако Лю Синь легко рассмеялся и сел обратно:

— Не нужно три дня. Я и так всё помню, могу повторить прямо сейчас.

Он развернул свиток. Он хотел удивить Дун Сяня, но тот уже направлялся к выходу, бросив через плечо:

— Тогда пишите, Ваше Высочество, я пока пойду.

— Господин Дун, сейчас не время для уроков! — Лю Синь, разгневавшись, бросил кисть на стол. — Мне нужны чернила, иди сюда и разотри тушь.

Ловкая смена ролей — и он снова поставил соперника на место слуги. Дун Сянь обернулся, посмотрел на Лю Синя и спустя мгновение, невозмутимо улыбнувшись, подошел к столу. Он взял тушечницу и начал аккуратно растирать тушь. Прошло всего несколько мгновений, и на поверхности нефрита заблестела густая жидкость.

— Ваше Высочество, можно начинать.

Видя, что тот подчинился, Лю Синь испытал мстительное удовольствие. Обмакнув кисть, он провел линию:

— Плохо, растирай еще!

Так повторялось несколько раз, пока тушь не достигла желаемой густоты. Лю Синь хотел было отправить Дун Сянь прочь, но тот настоял на том, чтобы дожидаться окончания работы.

Жизнеописания содержали десятки тысяч иероглифов. Лю Синь понимал, что Дун Сянь таким образом отыгрался за поручение с тушью. Хотя он и кипел от ярости, но гордость не позволяла ему отступить, и он принялся писать. Дун Сянь наблюдал за тем, как принц с усердием выводит иероглифы, и едва заметно улыбнулся. Разве легко приручить строптивого леопарда?

Весь день они провели в этом противостоянии, не покидая кабинета. Когда вечером пришла Чжи Вэй, изнутри не было слышно ничего, кроме шуршания кисти по бумаге. Глубокой ночью Лю Синь наконец закончил.

Дун Сянь простоял весь день, не сделав ни глотка воды, и чувствовал, что силы покидают его. Лю Синь поднял голову и, увидев его бледное лицо, спросил:

— Тебе плохо?

— Закончили? — ответил вопросом на вопрос Дун Сянь. Его голос охрип.

Лю Синь швырнул свиток на стол и поднялся:

— Если устал — забирай, проверяй.

В ясном, красивом взгляде читалась гордыня, отвергающая любую жалость. Лю Синь, не выдержав этого вызова, вскричал:

— Если хочешь проверять здесь — оставайся!

— Ты ненавидишь меня? — Дун Сянь сказал это тихо, но эти три слова заставили Лю Сяня вздрогнуть.

— Я нет...

— Тогда почему постоянно пытаешься меня унижить? — Бледные щеки казались совсем прозрачными, в голосе Дун Сяня промелькнула нотка незащитности.

После долгого молчания последовал ответ:

— Потому что ты человек Ван Мана.

Это было ожидаемо, но в то же время удивило. Дун Сянь усмехнулся, поражаясь прямоте Лю Сяня.

У Лю Ао не было сыновей, и престол пока пустовал. Среди всех племянников именно Лю Синь казался императору наиболее подходящим. Ван Ман совершил множество заслуг перед тронem, и Император ценил его, не подозревая, что это главная опасность. Власть, которой обладал Ван Ман, могла позволить ему захватить власть в одночасье. Но захватить — не значит заставить всех подчиниться. Если свергнуть Лю Ао и сесть на трон самому — это будет незаконно, и народ поднимет восстание. Если же возвести на престол Лю Сяня, а потом заставить его отречься — всё будет выглядеть благопристойно. План был безупречен и хитроумен, но они не учли, что Лю Синь уже начал подозревать неладное.

— Тебя приставили ко мне, чтобы контролировать мои действия, чтобы я во всем слушался вас, — холодно произнес Лю Синь. — Вернись и передай Ван Ману: он выбрал не того человека. У меня нет ни малейшего желания становиться наследником.

Дун Сянь молчал. Молчал, потому что возразить было нечего. Он — важная пешка в этом плане, призванная удерживать юного принца, чтобы Ван Ман мог управлять князьями.

— Значит, вот как, — голос Дун Сяня стал еще тише, словно он отвечал не Лю Синю, а самому себе.

Лю Синь уже сделал шаг к выходу, но вдруг обернулся:

— К тому же ты не раскрыл свои карты, как мне верить тебе? Я знаю, что твои навыки при тебе, не нужно притворяться передо мной.

Правда была раскрыта. Дун Сянь на миг удивился, но тут же оправился и с улыбкой спросил:

— С чего вы взяли?

В этот раз Лю Синь не ответил. Лишь усмехнулся, и его стройная фигура исчезла из поля зрения Дун Сяня.

Наступила ранняя зима. Северный ветер завывал, повсюду лежали сухие желтые листья. Казалось, погода тоже ополчилась на Дун Сяня, подобно Лю Синю. Хижина была продуваема всеми ветрами, и после того изнурительного дня с занятиями Дун Сянь слег с жаром на несколько дней.

Слуги во дворце знали, что он не в ладах с принцем, поэтому при встречах ограничивались лишь дежурными приветствиями. К счастью, Чжи Вэй каждый день приходила, принося лекарства и еду. Общаясь с ним больше, она всё сильнее проникалась к нему симпатией, но никак не могла понять: почему Лю Синь так упорно его отторгает?

<http://bllate.org/book/21155/2144380>